

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука — Восточная литература
2016

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1 (24)
ВЕСНА
2016

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Сборник заклинаний-*дхарани* из Хара-Хото в Сериндийском фонде ИВР РАН. Предисловие, транслитерация, примечания
С.Х. Шахмадова 5
- И.В. Богданов*. Надпись *dʒtj/kz.j-nfr(.j)* в Вади Хаммамат 25

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Г. Грушевой*. Арабы-христиане Палестины и Сирии в изображении должностных лиц Императорского Православного Палестинского общества рубежа XIX–XX вв. 64

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- М.М. Юнусов*. Из истории дешифровки западно-семитского письма: события и люди. IV. В поисках пальмирских текстов: первые европейские путешественники в Тадморе 78

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- Ю.А. Иоаннесян*. Ценные находки рукописей священных текстов бабизма и религии бахаи в собраниях Санкт-Петербурга 97

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- И.В. Богданов, М.А. Редина-Томас*. Государство и международные отношения на Древнем Востоке. Конференция памяти В.А. Якобсона (Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2015 г.) 107
- В.В. Щепкин* Международный семинар к 150-летию Д.М. Позднеева «История российско-японских отношений: источники, коллекции, проблемы изучения» (Санкт-Петербург, 19 ноября 2015 г.) 112

Издание осуществлено
при поддержке
Ассоциации выпускников
Санкт-Петербургского
государственного университета

Т.В. Ермакова, Е.П. Островская. Девятые Всероссийские
востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга (Санкт-
Петербург, 23–24 ноября 2015 г.) 114

Т.А. Пан. Дальневосточный семинар Отдела Дальнего
Востока ИВР РАН в 2014–2015 гг. 120

РЕЦЕНЗИИ

Jacob P. Dalton. The Taming of the Demons. Violence and
Liberation in Tibetan Buddhism. — New Haven; London:
Yale University Press, 2011. — 311 p. (*А.В. Зорин*) 123

Catalogue of Japanese Manuscripts and Rare Books. Merete
Pedersen // The Royal Library, Copenhagen, Denmark.
Catalogue of Oriental manuscripts, Xylographs, etc.
in Danish Collections (COMDC). Volume 10.1. — Nordic
Institute of Asian studies. — 446 p. (*К.Г. Маранджян*) 125

Топоров В.Н. Пиндар и Ригведа: Гимны Пиндара
и ведийские гимны как основа реконструкции
индоевропейской гимновой традиции. — М.:
РГГУ, 2012. — 216 с. (*С.Л. Бурмистров*) 127

Эпистолярное наследие казахской правящей элиты
1675–1821 годов / Введ., биогр., коммент., сост. и ред.
И.В. Ерофеевой. Т. I. Письма казахских правителей.
1675–1780 гг. — 696 с.; т. II. Письма казахских
правителей. 1738–1821 гг. — 1032 с. — Алматы:
АО «АБДИ Компани», 2014. (*Р.Ю. Почекаев*) 131

На четвертой стороне обложки:
Лист 1 «Махапраджняпарамита хридая-сутры»
(«Божэ боломидо синь цзин») из коллекции
ИВР РАН (китайский фонд Nova, шифр Н 56)

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
М.А. Унке
О.В. Волкова
Н.Н. Щигорева
Е.А. Пронина

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental
Manuscripts

Published under the supervision
of the Historical-Philological
Department of the Russian
Academy of Sciences

WRITTEN MONUMENTS OF THE ORIENT

1
(24)
Spring
2016

Founded in 2004

Issued quarterly

IN THIS ISSUE:

PUBLICATIONS

The Digest of *Dhāraṇī* Invocations from Khara-Khoto in the Serindia Manuscript Collection of IOM, RAS. Introduction, transliteration, notes by *S.H. Shomakhmadov* 5

I.V. Bogdanov. An Inscription of *dʔtj/k3.j-nfr(.j)* in Wadi Hammamat 25

RESEARCH WORKS

A.G. Grouchevoy. The Christian Arab Population of Syria and Palestine as Described by Top Officials of the Russian Palestine Society in the Late 19th and Early 20th Cent. 64

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

M.M. Yunusov. From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. (IV) In Search of Palmyrene Texts: The First European Travellers in Tadmor 78

COLLECTIONS AND ARCHIVES

Y.A. Ioannesyan. Discoveries of Valuable Manuscripts of the Sacred Texts of the Babi and Baha'i Religions in St.-Petersburg Manuscript Collections 97

ACADEMIC LIFE

I.V. Bogdanov, M.A. Redina-Thomas. The State and International Relations in the Ancient East. The Conference in Memory of V.A. Yakobson (St. Petersburg, September, 23–24, 2015) 107

V.V. Shchepkin. International Seminar Dedicated to the 150th Anniversary of D.M. Pozdneevev: "The History of Russian-Japanese Relations: Sources, Collections, Problems" (St. Petersburg, November, 19, 2015) 112

Nauka — Vostochnaya Literatura
2016

<i>T.V. Ermakova, E.P. Ostrovskaya.</i> The 9th All-Russian Oriental Conference in Memory of O.O. Rozenberg (St. Petersburg, November, 23–24, 2015)	114
<i>T.A. Pang.</i> The Far Eastern Studies Seminar in 2014–2015	120

REVIEWS

<i>Jacob P. Dalton.</i> The Taming of the Demons. Violence and Liberation in Tibetan Buddhism. — New Haven; London: Yale University Press, 2011. — 311 p. (<i>A.V. Zorin</i>)	123
Catalogue of Japanese Manuscripts and Rare Books. Merete Pedersen // The Royal Library, Copenhagen, Denmark. Catalogue of Oriental Manuscripts, Xylographs, etc. in Danish Collections (COMDC). Volume 10.1. — Nordic Institute of Asian studies. — 446 p. (<i>K.G. Marandjian</i>)	125
<i>Toporov V.N.</i> Pindar and the Rgveda: Pindar's Hymns and Vedic Hymns as a Basis for the Reconstruction of Indo-European Hymnic Tradition. — Moscow: RGGU, 2012. — 216 p. (<i>S.L. Burmistrov</i>)	127
Epistolary Heritage of the Kazakh Ruling Elite in 1675–1821 / Introduction, biography, commentaries, compiling editor I.V. Erofeeva. In two volumes. Vol. I: Letters of Kazakh Rulers. 1675–1780. — 696 p. Vol. II: Letters of Kazakh Rulers. 1738–1821. 1032 p. — Almaty: ABDI Company, 2014 (<i>R.Yu. Pochekaev</i>)	131

И.В. Богданов, М.А. Редина-Томас

Государство и международные отношения на Древнем Востоке. Конференция памяти В.А. Якобсона

(Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2015 г.)

23–24 сентября 2015 г. в Институте восточных рукописей РАН состоялась конференция памяти Владимира Ароновича Якобсона (26.10.1930–05.03.2015), выдающегося отечественного ученого-ассириолога и замечательного знатока истории древневосточных цивилизаций. В нашем институте В.А. Якобсон проработал без малого полвека.

Круг научных интересов В.А. Якобсона был весьма широк. Помимо ассириологии его всю жизнь интересовали проблемы происхождения государства, типологии древневосточных обществ и цивилизаций, истории права на Востоке, вопросы формирования литературных жанров в архаических цивилизациях. Интересы ученого продиكتовали направления работы конференции. Здесь нашли свое отражение проблемы политической истории и международных отношений, государства и права, общие вопросы источниковедения и историографии Древнего Востока. Принять участие в этом научном мероприятии изъявили желание ученики и коллеги ученого, близко знавшие Владимира Ароновича, а также молодые исследователи, изучавшие востоковедную науку по его работам, которые были и остаются образцами мастерства ученого-востоковеда. С докладами выступили 15 специалистов.

Конференция открылась приветственным словом директора ИВР РАН, д.и.н. И.Ф. Поповой. Она отметила ключевое значение работ В.А. Якобсона для востоковедения и выразила надежду, что конференция станет ежегодным событием, которое будет привлекать и ведущих специалистов, и молодых исследователей.

В.К. Афанасьева (д.и.н., Государственный Эрмитаж) в выступлении «В.А. Якобсон — жизнь и научная деятельность» поделилась воспоминаниями о личности выдающегося востоковеда, начале его творческого пути, коснулась тонкостей его исследовательского стиля. Большое внимание Вероника Константиновна уделила деятельности В.А. Якобсона как переводчика аккадских литературных произведений. В последние годы Владимир Аронович много работал над новым переводом «Эпоса о Гильгамеше», и первые результаты этого долгого труда демонстрируют большой талант переводчика.

Доклад И.В. Богданова (к.и.н., н.с. ИВР РАН) «Профессионализм интеллектуала по-древнеегипетски» был посвящен исследованию значения эпитета *wn(w) hr* («открытый лицом») по египетским источникам конца III — конца I тыс. до н.э. (X–XXX династии). Было выделено несколько контекстов, в которых употреблялось данное сочетание. Особое внимание было уделено эпитету «открытый лицом» в значении «эксперт, профессионал, специалист», который присутствует в личных характеристиках выдающихся зодчих и ученых, а также жрецов как знатоков ритуала во времена XVIII династии и до позднего времени. Судя по рассмотренным свидетельствам,

эпитет *wn(w) hr* в частных аттестациях означал «специалист» в области интеллектуальных знаний. Касательно эволюции значений сочетания *wn(w) hr* делаются выводы, что общее понятие «профессионализм» встречается уже в Берлинском кожаном свитке, восходящем к началу XII династии, а каузативное сочетание *swn hr* в значении «давать (или „приобретать, осваивать“) специальные знания» в источниках не выходит за рамки X–XVIII династий. Большинство источников было переведено и интерпретировано с новых позиций.

Сообщение В.Р. Гордон (ст. лаборант ИВР РАН) «„Любовники“ в Ос 2:7: политическая интерпретация и поиск аккадских параллелей» было посвящено анализу одного библейского фразеологизма. Как отметила автор, такая характеристика, как «любовники», в Ос 2:7 традиционно понимается как метафора для ханаанейских богов. В последние годы получила распространение альтернативная интерпретация: под любовниками подразумеваются политические союзники Израиля. Сторонники этой гипотезы ссылаются на статью Уильяма Морана 1963 г., в которой он сравнивает употребление глагола «любить» в книге Второзакония и в клинописных документах. В докладе была представлена оценка того, насколько оправданно использование примеров, приведенных У. Мораном для обоснования интерпретации Ос 2:7 в политическом плане.

В докладе В.В. Емельянова (д.филос.н., профессор кафедры семитологии и иврита Восточного ф-та СПбГУ) «Новые тексты о правлении Гудеа и казус MS 2814» были проанализированы два клинописных текста из коллекции норвежского бизнесмена Мартина Скейена, опубликованные в 2011 г. Табличка MS 2400 содержит посвятельную надпись правителя Гудеа, которая сообщает о строительстве храма в честь божества по имени Нинкар. Согласно различным источникам шумерского времени, Нинкар — божество города Нина, связанное с небесным культом и относящееся к ближайшему кругу родственников Нанше. В эпоху Гудеа это божество мужского пола, однако в новоассирийском теонимическом списке «Ан-Анум» оно названо богиней зари и супругой Шамаша. Табличка MS 2814 содержит пространственный текст, который его первый издатель К. Вильке по почерку датирует эпохой Рим-Сина. В тексте сказано, что Гудеа был подданным царя III династии Ура Шульги. Вильке принимает эту версию. Впрочем, из надписи YBC 2149 лугала Уммы Наммахни, женатого на свояченице Гудеа, следует, что оба свойственника жили при кутийском лугале Ярлагане. Однако от Ярлагана до Шульги прошло 36 лет, правление же Гудеа, согласно датировочным формулам, длилось всего 20 лет. Таким образом, хронология MS 2814 не может считаться достоверной.

Доклад Г.Х. Каплан (к.ф.н.) «Воспоминания Р.В. Кинжалова о А.П. Рифтине и Н.Д. Флиттнер» был посвящен изложению некоторых фрагментов книги воспоминаний отечественного американиста и филолога-классика Р.В. Кинжалова (1920–2006) «Из прошлого», изданной в 2013 г. В своих мемуарах Р.В. Кинжалов немало строк уделил своим учителям, среди которых были видные специалисты по Древнему Востоку А.П. Рифтин (1900–1945) и Н.Д. Флиттнер (1876–1957). С работами Н.Д. Флиттнер по Египту и Месопотамии он познакомился еще в школьные годы, и у них завязалась переписка. Именно Н.Д. Флиттнер посоветовала ему поступить на филфак ЛГУ, содействовала его устройству в Отдел Востока Государственного Эрмитажа, где он проработал 13 лет. Интересные сведения Р.В. Кинжалов приводит и о А.П. Рифтине, у которого еще во время эвакуации ЛГУ в Саратов (в 1942–1944 гг.) он успел прослушать несколько курсов.

Доклад Н.В. Козыревой (д.и.н., в.н.с. ИВР РАН, профессор кафедры Древнего Востока Восточного ф-та СПбГУ) «Южная Месопотамия в первой половине II тыс. до

до н.э.: законодательство и реальность» был посвящен вопросу о том, каким образом соотносится тот образ государственного устройства, который возникает при чтении Законов Хаммурапи (ЗХ), с тем, что мы знаем о реальной ситуации в этой сфере в Южной Месопотамии ко времени их создания. Автор законов, т.е. номинально царь Хаммурапи, формирует у читателя четкое представление об устройстве управления и социума в созданном им государстве. Это строго централизованная система с наследственной царской властью со столицей в городе Вавилоне, с единообразной и четко определенной структурой общества, состоявшего из трех сословий — *авилумов* (свободных, полноправных), *мушкенумов* (зависимых) и рабов. Однако реальная ситуация была, вероятно, далеко не столь однозначной, как она выглядит в ЗХ. По мнению Нэлли Владимировны, ЗХ — своего рода «утопия» Хаммурапи, мечта о едином централизованном государстве с управляющим центром в Вавилоне, едином социальном порядке, установленном один раз и навсегда, навечно. Однако в реальности это объединение оказалось весьма недолговечным. После обзора истории Старовавилонского царства Н.В. Козырева приходит к выводу, что Южная Месопотамия превратилась в то единое централизованное государство, созданием которого занимался еще Хаммурапи, лишь в правление касситов.

В.В. Марголин (кафедра Древнего Востока Восточного ф-та СПбГУ) сделал сообщение на тему «Употребление термина *eperum* для обозначения земельного удобрения в старовавилонских письмах». Выступавший выделил в старовавилонском эпистолярном корпусе несколько писем, в которых речь идет о поставках некой «земли» (акк. *eperum*; шум. SAHAR.HI.A). В науке считается, что она могла использоваться либо в качестве удобрения, либо как строительный материал. В докладе автор на основе новых архивных и археологических данных представил аргументы в пользу первой точки зрения: «земля» использовалась как удобрение.

В докладе И.Н. Медведской (д.и.н., в.н.с. ИВР РАН) «Могильник Сиалк В (Иран): проблемы датировки и культурных связей» был рассмотрен один из самых известных памятников доахеменидского Ирана — могильник Сиалк В, обычно датируемый X–VIII вв. до н.э. На основании выявленного структурного сходства росписи на керамике Сиалка В и позднегеометрического стиля Греции (760–700 гг. до н.э.) автор датирует памятник второй половиной VIII в. Эта дата подтверждается также изображением прямоугольных щитов с узором в виде «шахматной доски» на керамике обоих регионов: в I тыс. до н.э. такие щиты использовались только противниками Саргона II (721–705) в странах древнего Ирана. Развитие конской узды на Древнем Востоке и в Иране, в частности, происходило в результате культурных контактов с южной Европой и Средиземноморьем. Об усилении культурных связей с западными регионами древнего мира в период политического ослабления Ассирии, начавшегося в конце IX в., свидетельствуют материалы и других памятников древнего Ирана.

А.О. Москалева (ассистент кафедры Древнего Востока Восточного ф-та СПбГУ) в докладе «Северное направление военной политики Тукульти-Нинурты I (по царским надписям)» рассмотрела надписи ассирийского царя Тукульти-Нинурты, в которых освещались его северные походы. В ходе анализа этих текстов и их сравнения с другими надписями этого царя она выявила несколько интересных особенностей его завоевательной политики в северном направлении.

А.В. Немировская (к.ф.н., доцент кафедры Древнего Востока Восточного ф-та СПбГУ) представила доклад «Политический фактор в истории письма (Восточное Средиземноморье во второй половине II тыс. до н.э.)», посвященный некоторым аспектам истории консонантного письма в городе-государстве Угарит. По мнению Адели Владимировны, консонантное письмо, внешне имевшее атрибуты месопотам-

ской клинописи, вошло в обиход в Угарите в момент его сближения с Египтом в XIII в. до н.э., поэтому с точки зрения внутренней логики и формы знаков оно больше напоминало египетскую практику записи ханаанских слов путем отражения почти исключительно согласных. Это гибридное письмо исчезло вместе с упадком Угарита в XII в. Ханаанская эпиграфика конца II — начала I тыс. до н.э. свидетельствует о существовании по крайней мере двух писцовых очагов, где использовалось консонантное письмо: северный (на финикийском побережье) и южный (во внутреннем Ханаане). А.В. Немировская допускает, что этот факт был обусловлен предшествующим историческим периодом, когда центры египетской администрации находились в целом ряде городов как на севере, так и на юге Ханаана.

В докладе М.А. Рединой-Томас (ст. лаборант ИВР РАН, ассистент кафедры Древнего Востока Восточного ф-та СПбГУ) «Энлиль-Нерари в документах из касситского Ниппура» были рассмотрены три документа из архивов вавилонского города Ниппура, датированных XIV–XIII вв. до н.э. (№ 669, BE 17/1:77, BE 17/1:91). В ассириологической литературе принято утверждать, что эти документы являются письмами, отправленными ассирийским царем Энлиль-Нерари (ок. 1329–1320 г. до н.э.) главному управителю Ниппура — *šandabakku* Энлиль-кидинни. Однако детальное изучение оригинальной публикации этих текстов В. фон Зоденом в 1958 г. показало, что это утверждение не подтверждается текстуальной базой и является одним из распространенных «научных мифов» в ассириологии.

М.В. Сологубова (ст. лаборант Государственного Эрмитажа, ст. преподаватель кафедры Древнего Востока Восточного ф-та СПбГУ) сделала сообщение на тему «„Козерог“ *suḫurmāšu* по изобразительным памятникам Передней Азии II–I тыс. до н.э.». Она рассмотрела изображения гибридных существ, известных в Месопотамии начиная с конца IV тыс. до н.э. Самые ранние изображения таких монстров можно встретить на печатях периода Джемдет-Наср. Впоследствии композитные существа все чаще появляются на различных памятниках, как правило, культового характера. Эти создания сочетают в себе части тел различных животных, иногда им присущи также антропоморфные черты. В докладе было рассмотрено одно из существ такого рода — полукозел-полурыба (акк. *suḫurmāšu*). Марией Вячеславовой были представлены все известные памятники II–I тыс. до н.э. с изображениями «козерога» из различных регионов Передней Азии. Особое место среди таких памятников заняли цилиндрические печати, несколько из которых находятся в коллекции Государственного Эрмитажа.

В докладе К.С. Сомовой (кафедра Древнего Востока Восточного ф-та СПбГУ) «О некоторых параллелях шумерских „школьных“ текстов и лексических списков» речь шла о сравнении так называемых «школьных текстов» и лексических списков, написанных на шумерском языке. Ксения Сергеевна проанализировала обе группы документов и пришла к выводу об их взаимном параллелизме и композиционном сходстве.

С.А. Французов (д.и.н., в.н.с. ИВР РАН, профессор Восточного ф-та СПбГУ) прочитал доклад «Как „был построен“ академик В.В. Струве». В своем сообщении Сергей Алексеевич рассмотрел архивные документы и письма, касающиеся жизни и научной деятельности выдающегося советского востоковеда В.В. Струве. Целью доклада стал анализ дискуссии о статусе Ленинградского дацана в советское время и вопрос о передаче его в ведомство ЛО ИВАН. Докладчик дал оценку позиции В.В. Струве в процессе решения этой непростой проблемы.

В докладе Н.О. Чехович (ИВР РАН) «Болезнь и исцеление Навуходоносора (Dan 4)» были высказаны соображения о древних месопотамских мотивах, которые могут быть

прослежены в тексте (Dan 4, 28–31), посвященном болезни, исцелению и благодарственной молитве царя. Традиция жила дольше, чем принято считать: некоторые мотивы уходят корнями в шумерскую литературу, в частности, они присутствуют в повествованиях о шумерском герое Лугальбанде. В поздней Вавилонии (в Уруке VI в. до н.э.) продолжал существовать его культ, антропонимия дает редкие образцы имен с именем Лугальбанда в качестве теофорного элемента. На создателей книги Даниила могли оказать влияние устные предания на арамейском языке, подобные частично сохранившейся в Кумране повести о Набониде.

Все сообщения докладчиков были заслушаны аудиторией с большим вниманием и интересом. Многие из них вызвали оживленные дискуссии. Особенно хотелось бы отметить, что в конференции приняли участие студенты кафедры Древнего Востока Восточного ф-та СПбГУ — будущие продолжатели традиций отечественной науки о Древнем Востоке, делающие свои первые успешные шаги в этой области. Молодое поколение ученых-ассириологов активно участвует в научной жизни и благодаря подобным встречам перенимает знания и опыт старших коллег.

После официальной части конференции друзья и коллеги Владимира Ароновича почтили его память в неформальной обстановке. Будем надеяться, что проведение научных встреч памяти В.А. Якобсона станет доброй традицией нашего Института.

В.В. Щепкин

**Международный семинар к 150-летию Д.М. Позднеева
«История российско-японских отношений:
источники, коллекции, проблемы изучения»**

(Санкт-Петербург, 19 ноября 2015 г.)

19 ноября 2015 г. в Институте восточных рукописей РАН состоялся международный семинар «История российско-японских отношений: источники, коллекции, проблемы изучения», приуроченный к 150-летию Д.М. Позднеева (1865–1937).

Д.М. Позднеев является основоположником изучения истории российско-японских отношений в России. Еще в 1909 г., находясь в Японии, он опубликовал фундаментальный двухтомный труд «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России», который представляет собой сопровождаемое обширным комментарием собрание переводов на русский язык японских архивных документов и других текстов, имеющих отношение к истории российско-японских отношений XVIII — начала XIX в. В предисловии ко второй части второго тома этой работы автор писал: «Перевод относящихся к переговорам японских документов имеет для нас именно то значение, что он открывает другую сторону дела и дает нам возможность из сопоставления русских и японских источников получить полную картину имевших место событий и совещаний». При этом, говоря о своем труде, Д.М. Позднеев отмечал: «Попытка эта названа „Материалами по вопросу“, так как время для составления труда, достойного названия „История вопроса“, еще не пришло. Нужно много работников и много лет совместного труда целой группы лиц, раньше чем для будущего историка данного вопроса будет подготовлено достаточное количество материалов, из которых можно будет построить грандиозное, соответствующее величине затронутого предмета здание истории». Одной из задач проведенного семинара было вспомнить этот завет основоположника и наметить некоторые перспективы дальнейших исследований.

В рамках семинара представили свои лекции участники совместного проекта Института восточных рукописей РАН и Центра исследований айнов и коренных народов Университета Хоккайдо (Япония).

Лекция профессора Сасаки Госикадзу была посвящена хранящимся в России ценным материалам по истории и культуре айнов и важности их изучения. На основе иллюстративных источников из коллекций Омского музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН докладчик рассказал об основных сторонах традиционного быта айнов и их взаимоотношениях с японцами в XVII–XIX вв.

Доцент филологического факультета Университета Хоккайдо Танимото Акихиса посвятил свою лекцию значению изучения истории отдельных княжеств периода Токугава (1603–1867) на примере Мацумаэ — самого северного из княжеств, которое было ответственно за торговлю с айнами и первым вступило в контакт с русскими первопроходцами.

Во второй части семинара состоялся круглый стол в рамках поддержанного РГНФ проекта № 15-01-00168 «Японская коллекция ИВР РАН как текст: частные собрания и государственные интересы». Участники проекта К.Г. Маранджян, В.Ю. Климов и В.В. Щепкин представили доклады о промежуточных результатах своих исследований.

Сообщение К.Г. Маранджян было посвящено коллекции востоковеда Е.Г. Спальвина и сложностям с определением принадлежности некоторых единиц хранения к этой коллекции. В.Ю. Климов рассказал о деятельности К.Н. Посьета, связанной с Японией, и привезенных им японских рукописях, а также о проблемах изучения двух конторских книг, переданных в Академию наук Российско-Американской компанией в 1810-х годах. В.В. Щепкин посвятил свое выступление так называемой «коллекции Броссе» — поступлениям японских рукописей и ксилографов до 1864 г., рассказав об использовании неопубликованных каталогов и списков поступлений и сложностях в их изучении.

Японские участники круглого стола высказали свои мысли и замечания, отметив при этом важность подобных исследований для изучения истории российско-японских отношений.

Т.В. Ермакова, Е.П. Островская

Девятые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга

(Санкт-Петербург, 23–24 ноября 2015 г.)

Девятые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга проходили 23–24 ноября 2015 г. в Санкт-Петербурге на базе их учредителя — Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН).

В 2015 г. Чтения стали площадкой профессионального общения представителей различных востоковедных центров. Наряду с сотрудниками ИВР РАН с докладами выступили востоковеды из Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербургского государственного института культуры (СПбГИК). С докладами выступили востоковеды из Москвы, работающие в МГУ, в Институте стран Азии и Африки МГУ (ИСАА МГУ), Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Школе актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы. География конференции включала также Екатеринбург и Ставрополь. С сообщениями и докладами по темам диссертационных исследований выступили аспиранты ИВР РАН, ИСАА МГУ, Уральского федерального университета.

Во вступительном слове директор ИВР РАН д.и.н. И.Ф. Попова проанализировала историю санкт-петербургской буддологической школы, ярким представителем которой был О.О. Розенберг (1888–1919), в контексте истории Азиатского музея (ИВР РАН). Она отметила, что линия преемства предмета и методов буддологического исследования, восходящая к основоположникам школы — И.П. Минаеву, акад. Ф.И. Щербатскому и С.Ф. Ольденбургу, О.О. Розенбергу, — в середине XX в. была восстановлена и развивается в настоящее время.

Тематический блок докладов «Коллекции и архивы» представлял результаты изысканий на базе коллекций рукописного фонда ИВР РАН, Архива востоковедов ИВР РАН, отраслевого отдела Библиотеки Академии наук.

В докладе «Сочинения тибетского буддийского канона в Тибетском фонде ИВР РАН» А.В. Зорин (к.ф.н., с.н.с. ИВР РАН) рассказал о проведенной им работе по систематизации фонда, в ходе которой им были атрибутированы и описаны буддийские раритеты, происходившие из Дуньхуана, Хара-Хото, Семипалатинска и Аблайхита. А.В. Зорин подчеркнул, что Тибетский фонд ИВР РАН располагает образцами практически всех видов рукописной и ксилографической книги.

К.Г. Маранджян (к.и.н., с.н.с. ИВР РАН) в докладе «О личной библиотеке О.О. Розенберга» сообщила о своем впервые предпринятом систематическом биографическом и архивном исследовании. В докладе было подробно рассказано о судьбе личной библиотеки О.О. Розенберга (1888–1919), которая считалась утраченной. Работа с архивными материалами ИВР РАН позволила выяснить, что эта библиотека

была куплена Азиатским музеем в 1921 г. Список книг, поступивших в Азиатский музей, восстановлен по инвентарным книгам 1921–1925 гг. Личное собрание О.О. Розенберга насчитывает 354 наименования в 594 томах на японском, китайском, русском и европейских языках. Эти книги сегодня хранятся в библиотеке ИВР РАН и в японской рукописной коллекции. Таким образом, исследование, планомерно проведенное К.Г. Маранджян, опровергло прордержавшееся много десятилетий мнение историков о практически полной утрате библиотеки О.О. Розенберга.

Д.А. Носов (к.ф.н., м.н.с. ИВР РАН) представил доклад «Состав коллекции М.Н. Соколова (1890–1934) в Монгольском фонде ИВР РАН». Докладчик рассказал о своей работе в Архиве востоковедов ИВР РАН, позволившей доказательно установить собирателя коллекции рукописей по истории традиционного права бурят в XIX в.

Е.П. Островская (д.филос.н., проф., гл.н.с. и зав. Сектором ИВР РАН) в докладе «Обзор письменных памятников буддизма из Индийского фонда ИВР РАН» впервые охарактеризовала рукописные раритеты как познавательный ресурс изучения буддизма и линий его распространения за пределы Индии. Было убедительно показано, что индийская коллекция ИВР РАН отражает структуру буддийского канона (сутры, виная, абхидхарма) и тем самым представляет собой существенный и ценный элемент историко-документального наследия буддизма.

Доклады В.П. Зайцева (н.с. ИВР РАН) «Атрибуция иконы X 60 с изображением китайского буддийского пантеона из коллекции ИВР РАН» и А.А. Сизовой (м.н.с. ИВР РАН) «Особенности иконографии китайского буддийского пантеона (на материале иконы X 60 из коллекции ИВР РАН)» были посвящены результатам исследования иконы с изображением китайского буддийского пантеона, хранящейся в Художественном фонде Отдела рукописей и документов ИВР РАН под шифром X 60. В.П. Зайцев представил результаты атрибуции иконы: были получены сведения о заказчике, времени и месте печати иконы, установлена причина печати и назначение самой иконы, проанализированы объективные данные, позволяющие сделать выводы о тираже. Кроме того, в китайских источниках того же времени были выявлены дополнительные сведения о донаторе — заказчике печати. В заключение были высказаны соображения об источнике поступления этой единицы хранения в коллекцию ИВР РАН. Доклад А.А. Сизовой содержал подробное описание двадцати персонажей китайского буддийского пантеона, изображенных на иконе X 60. Была проведена идентификация их поз (*асан*), жестов (*мудр*) и атрибутов.

С.Х. Шомахмадов (к.и.н., с.н.с. ИВР РАН) в докладе «О подходе к изучению буддийских заклинаний-дхарани из Сериндийского фонда ИВР РАН» поставил вопрос о выборе методологии исследования заклинательных текстов. Были освещены позиции исследователей, сформулированные в ходе изучения и перевода Атхарваеды (Т.Я. Елизаренкова), соответствующих текстов на славянских языках (В.Н. Топоров, С.М. Толстая, А.В. Юдин), прослежена эволюция взглядов буддологов XIX–XX вв. на тексты, содержащие дхарани, и их статус в письменном наследии буддизма.

Истории востоковедения и истории пополнения сведений о странах Востока было посвящено четыре доклада.

Т.В. Ермакова (к.филос.н., с.н.с. ИВР РАН) представила доклад «Предпосылки создания Института буддийской культуры АН СССР», в котором охарактеризовала 1920-е годы как период осознанного и планомерного выстраивания культурных связей СССР с зарубежными странами и конкретно с Индией, и высказала гипотезу, что организация фактически «буддологического института» могла способствовать усилению связей с Индией и формированию положительного образа СССР в Индии.

К.Е. Айрапетова (н.с., аспирантка ИСАА МГУ) в докладе «Синолог-лингвист М.В. Софронов и научное наследие Н.А. Невского: важнейшие направления дальнейшего изучения тангутского языка» осветила историю сотрудничества ленинградских и московских востоковедов в первоначальный период тангутоведения. В докладе было показано, каким образом факт биографии видного востоковеда М.В. Софронова — обучение в Ленинградском государственном университете — дал старт его многолетней научной дружбе и совместной деятельности с ленинградскими учеными.

А.А. Дюльденко (ассистент кафедры истории и права Ставропольского государственного педагогического института) посвятил свой доклад «Ранняя биография Иоганна Иерига (1747–1795)» изложению результатов своей работы в архивах Германии. Ему удалось установить историю родительской семьи сподвижника П.С. Палласа (родители — выходцы из Эльзаса — прибыли вместе с сыном в Россию с миссионерской целью и обосновались в Сарепте). Дюльденко обнаружил свидетельства о том, что И. Иериг быстро освоил калмыцкий язык и проявил склонности к научной работе этнографического характера. Маршрут экспедиции П.С. Палласа 1772–1773 гг. пролегал через Сарепту, и тогда же талантливый юноша с ведома Российской академии наук примкнул к научно-полевой работе П.С. Палласа и И. Гмелина.

Д.В. Возчиков (аспирант Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург) в докладе «Сексуальная культура Индии и Юго-Восточной Азии в сообщениях венецианских путешественников XV–XVI вв.» реконструировал представления и мнения носителей европейской христианской культуры об индийском браке и нравах в целом. Источниковую базу доклада составили отчеты венецианских купцов Никколо Конти и Гаспаро Бальби. Было проведено сопоставление их информации и оценок с данными близких по времени китайских путешественников в Индии.

Опыт перевода и исследования буддийских письменных памятников был представлен в следующих докладах.

В докладе Ю.В. Болтач (к.и.н., с.н.с. ИВР РАН) «„Самгук юса“: структура текста и принципы организации материала» была выявлена структура текста корейского буддийского исторического сочинения «Самгук юса» (XIII в.), представляющего собой обширное собрание материалов по истории Кореи I тыс. н.э. Ю.В. Болтач проанализировала логику построения памятника: выявила тематические разделы и рассмотрела различные способы осуществления связности текста на уровне параграфов.

Д.А. Худяков (к.ф.н., ст. преподаватель ВШЭ) выступил с докладом «Ранние китайские переводы буддийских текстов: эволюция переводческих стратегий от Хань к эпохе Шести династий». В процессе составления индекса лексических элементов китайского языка были подняты такие проблемы, как их историческая эволюция, разработка критериев периодизации (фонологических и грамматических). На основе предварительных изысканий были выявлены четыре периода переводческой деятельности, зависимость стиля перевода (строгий или литературный) от характера текста. Таким образом, была сделана заявка на воссоздание решающего фактора укоренения буддизма в Китае — распространение буддийского канона в переводах на китайский язык.

И.С. Гуревич (к.ф.н., с.н.с. ИВР РАН) в докладе «Биографии первых переводчиков буддийских текстов на китайский язык (II–V вв.)» на обширном оригинальном материале — биографиях видных деятелей китайского буддизма — убедительно продемонстрировала заслуги первых переводчиков по распространению учения Будды в Китае, проанализировала региональные особенности формирования первых буддийских переводческих школ.

Е.С. Бушуев (аспирант ИВР РАН) выступил с докладом «Буддизм йогини-тантр как веха в истории индийской ваджраяны». Он реконструировал типологические особенности священных текстов индийского тантрического буддизма класса йогини-тантр. Письменные памятники класса йогини-тантр были рассмотрены в контексте пятичленной классификации буддийских тантр. Представленная в йогини-тантрах форма индийского буддизма, по выводу докладчика, должна быть исследована с привлечением метода диахронного анализа и синхронных сопоставлений, успешно применявшегося В.И. Рудым и Е.П. Островской применительно к переводу философских трактатов.

Доклад В.Ю. Климова (к.и.н., с.н.с. ИВР РАН) «Третья тетрадь писем Высокому-рого Рэннэ» отразил результаты очередного этапа комплексного исследования важнейшего памятника японского буддизма. Содержание и лексический строй текста Третьей тетради были соотнесены со всеми остальными посланиями и был сделан вывод о том, что концептуализация рецитации имени Будды Амиды составляет главное содержание Третьей тетради.

С.Ю. Рыженков (м.н.с. ИВР РАН) «Колофоны китайских списков Махапаринирвана-махасутры из Дуньхуана (V–VIII вв.): методы изучения» представил классификацию колофонов и привел примеры на основе образцов, хранящихся в рукописных собраниях. Было убедительно продемонстрировано, что колофоны содержат разнобразную и существенную информацию, раскрывающую функцию изготовления рукописей в буддийской культуре.

С.Л. Бурмистров (д.филос.н., в.н.с. ИВР РАН) в докладе «Понятие сознания-сокровищницы и учение о трех природах: концептуальные связи» изложил промежуточные результаты исследования базовых терминов буддийской философской мысли. Познавательный акт в буддизме понимается как состоящий из трех компонентов — объекта, органа восприятия и соответствующего сознания, причем последнее зависит от прошлых состояний живого существа (изначально присутствующих во всяком сознании потенциальных аффектов и кармически обусловленных диспозиций), сохраняющихся в так называемом «сознании-сокровищнице». Три природы (сконструированная, зависимая и абсолютная) понимаются как разные уровни сознания: абсолютная — как «сознание-сокровищница», свободное от аффектов и диспозиций, сконструированная — как множество познаваемых объектов, зависимая — как сознание, пораженное аффектами.

О.А. Бонч-Осмоловская (аспирантка ИВР РАН) в докладе «Дидактическая функция канона песен» осветила роль традиционной комментаторской литературы в понимании воспитательной функции текстов конфуцианского канона. Докладчица выявила дидактические приемы, характерные для языка исследуемых памятников, — восхваление/порицание, избегание субъективно мотивированных оценок — и подчеркнула, что полнота семантики конфуцианской терминологии может быть раскрыта только в исследовании памятника вместе с комментарием.

М.С. Целуйко (преподаватель НИУ ВШЭ, ИСАА МГУ) в выступлении «Текстовое воплощение идеи как единицы исторической информации в „Шан-цзюнь шу“, „Чжуан-цзы“ и эпиграфическом тексте „Вэйличжидао“» представил результаты своих исследований по проблеме установления типологически сопоставимых единиц информации в разнородных текстах. Для исторических текстов (хроникальных сообщений) основная единица описания — событие. Под идеей в данной методике понимается суждение оценочного характера или сопоставление в тексте объектов описания. В докладе было указано также на значение трудов ленинградского китаиста В.С. Спирина (1929–2002) по проблематике анализа «многослойных текстов».

Доклад А.С. Рысакова (к.филос.н., доцент СПбГИК) «Анализ ритуальных практик в сочинении Лин Тинканя (1755–1812) „Лицзин шили“ („Исследование текста Канона ритуалов“») был посвящен общей характеристике взглядов видного представителя сунского конфуцианства Лин Тинканя (школа «Новых текстов»), раскрыл его интерпретацию категории «ритуал». В докладе была подчеркнута оригинальность и самобытность мыслителя, впервые в рамках конфуцианской традиции обосновавшего ритуал как телесные практики.

В докладе В.П. Иванова (к.ф.н., с.н.с. ИВР РАН) «Модели осмысления бытия в системе кашмирского монистического шиваизма» были проинтерпретированы базовые модели осмысления бытия в религиозно-философских доктринах кашмирского монистического шиваизма. В связи с разъяснением иерархии «онто-гносеологических составляющих» — таттв и моделей «звуковой» манифестации вселенной рассматривался важный (ключевой) «холистический» принцип организации бытия «всё во всём», формулируемый в системе как *sarvasarvātmakatva* — «всякое по своей сути есть всякое».

В.Р. Атнашев (к.ф.н., доцент, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС) в своем выступлении «Легенда об Ум Марупе (Акаят „Ум Маруп“) — памятник чамской традиционной литературы» изложил результаты комплексного источниковедческого исследования уникального памятника, фабула, сюжет и лексика которого представляют собой результат этнокультурных и этноконфессиональных процессов в Юго-Восточной Азии.

Относительно новым для Розенберговских чтений было представление докладов, посвященных обобщению опыта личного наблюдения реалий культуры Востока.

Е.Ю. Харькова (к.и.н., независимый исследователь) в докладе «Рукотворные объекты буддийского сакрального ландшафта» осветила свой аспект работы по проекту «Воссоздание сакрального ландшафта в Бурятии». Концептуальный подход — выявление и описание функций сакрального ландшафта — был продемонстрирован на конкретных элементах сакрального ландшафта (ступ, природных камней с надписями, монастырских зданий) на территории Бурятии.

П.Д. Ленков (к.и.н., доцент Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена) представил доклад «Буддо-даосский синкретизм в народной религии Китая (на примере храма Нефритового Государя в Чэньцзяоу)». Опыту наблюдения П.Д. Ленковым повседневной жизни деревенского храма в китайской провинции предшествовала теоретическая работа по исследованию буддо-даосского синкретизма, о которой он докладывал на предыдущих Розенберговских чтениях. На этой основе было проинтерпретировано зонирование храмового пространства, раскрыта семантика храмового празднества.

А.А. Лобова (аспирантка МГУ) в выступлении «Влияние дзен-буддизма на культурные традиции Японии (на примере японской чайной церемонии)» изложила свои наблюдения чайной церемонии в японской диаспоре в Лондоне. В докладе были приведены интерпретации семантики пространства чайной церемонии, сценария и утвари современными носителями японской культуры, проживающими за пределами Японии.

А.Б. Старостина (к.филос.н., с.н.с. Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС) и О.М. Мазо (к.ф.н., доцент Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета) поделились опытом путешествия к сакральным центрам китайской традиционной культуры в докладе «„Рассуждение о Северном пике“ Гу Яньу и проблема Цюйянского храма». На основе предварительного изучения письменных источников был обобщен опыт посеще-

ния одного из элементов сакральной даосской географии, была восстановлена история смены локации Цюйянского храма, в настоящее время расположенного в 70 км от священной горы.

Таким образом, на четырех заседаниях было заслушано и обсуждено 28 докладов.

Выступления участников Чтений по сложившейся традиции представили современное состояние исследований по направлениям классического востоковедения, в которых работал О.О. Розенберг, вопросы истории востоковедения и истории рукописных коллекций, актуальные проблемы источниковедения. В работе Чтений активное участие приняли аспиранты ИВР РАН и других научных центров.

В Чтениях 2015 г. большее количество докладов было посвящено конкретным исследованиям, проведенным в полевых экспедиционных условиях, что расширяет и уточняет наши представления о функционировании традиционных идеологий в XXI в.

Т.А. Пан

**Дальневосточный семинар
Отдела Дальнего Востока ИВР РАН
в 2014–2015 гг.**

Дальневосточный семинар Отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН — научное мероприятие, которое проводится регулярно с осени 2011 г. Отчет о докладах, прочитанных в первый год работы, был опубликован в статье Т.А. Пан «Дальневосточный семинар при ИВР РАН» в журнале «Письменные памятники Востока», № 1(16). 2012, с. 274–276. В статье была определена и задача этого семинара: объединить усилия ученых востоковедных центров Санкт-Петербурга по изучению стран Дальневосточного региона и для обмена научной информацией. Следует отметить, что действительно семинар стал общественной востоковедной научной лабораторией, где ученые представляют последние результаты своих исследований. За прошедшие четыре года состоялось тридцать шесть заседаний, на которых выступили сотрудники Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, исследователи из академических институтов, музеев и высших учебных заведений Санкт-Петербурга и других городов, а также зарубежные специалисты. Заседания семинара проводят как ведущие специалисты старшего поколения, так и молодые ученые.

Формат семинара предполагает выступление докладчика (устное сообщение с презентацией, 40–60 минут) с последующей дискуссией по затронутым в докладе вопросам. Тематика семинара охватывает широкий круг традиционных для классического востоковедения научных проблем, связанных с языкознанием, литературой, историей, источниковедением, этнографией, археологией, искусством, философией и религиозными представлениями стран Дальнего Востока, дипломатическими и культурными контактами между странами Дальневосточного региона и Россией, изучением музейных, библиотечных и архивных собраний, а также историей и перспективами дальнейшего развития востоковедной науки.

За истекший год (с осени 2014 до осени 2015 г.) на заседаниях Дальневосточного семинара было прочитано 12 докладов в основном по истории и культуре Японии и Китая.

Ряд докладов был посвящен истории айнов. Так, 1 октября 2014 г. к.и.н. В.В. Щепкин (Отдел Дальнего Востока ИВР РАН) выступил с докладом «Японская рукопись об айнах „Хигаси Эдзо икб“ из коллекции ИВР РАН: результаты исследования». Докладчик представил результаты сравнительного анализа рукописей «Хигаси Эдзо икб» (из коллекции ИВР РАН) и нескольких списков сочинения «Эдзо сэйкэй дзусэцу» — известного труда о материальной культуре айнов Хоккайдо и Курильских островов. Текстологический анализ рукописи позволил предположить, что она является одним из наиболее ранних списков указанного сочинения. Кроме того, имеющиеся в рукописи печати и маргиналии проливают свет на историю целой коллекции материалов об айнах, привезенных в Россию А.В. Григорьевым.

Этнографии айнов был посвящен и доклад к.и.н. А.М. Соколова (МАЭ РАН) «Обитатели северо-восточных районов Японии эмиси. Облик туземцев по письменным и археологическим источникам» (16 марта 2015 г.), в котором была затронута одна из ключевых проблем истории северной части Японского архипелага — определение понятия «эмиси», которое многими считается одним из наиболее ранних экзонимов айнов. Докладчик рассказал об эволюции этого понятия, служившего в определенное время обозначением для смешанного айнско-японского населения северо-востока о-ва Хонсю.

Относительно современной истории Японии была освещена в докладах к.и.н. К.Г. Маранджян (Отдел Дальнего Востока ИВР РАН) «Удивительная история одной книжки о Японии (*Т. Конрой. Японская угроза. 1934*)» (26 января 2015 г.) и А.Е. Куланова (Межрегиональная общественная организация «Ассоциация японоведов», Москва) «Роман Ким: японовед, разведчик, писатель» (21 августа 2015 г.), в которых авторы рассказали о перипетиях истории советского периода и о влиянии японоведческих работ на политику Советского Союза первой половины XX в.

Ранняя история русско-японских отношений стала темой доклада К.Б. Васильева (издательство «Авалон») «Первые в России пособия по японскому языку: проблема авторства» (28 октября 2015 г.). В докладе была определена личность авторов и составителей первых учебников японского языка, изданных в Санкт-Петербурге в XVIII в.

Тематика докладов, посвященных Китаю, также была разнообразной. Об одном из основных понятий философии и идеологии древнего Китая «священномудрые» рассказал А.Э. Терехов (Отдел Дальнего Востока ИВР РАН) в докладе «Антропология совершенной мудрости: представления о *шэн* 聖 и *шэн жэнь* 聖人 в доимперском и раннеимперском Китае» (6 апреля 2015 г.).

Образ и творчество известного средневекового китайского поэта Ли Бо были освещены в ракурсе анализа духовной жизни поэта в докладе к.иск. В.И. Сисаури (независимый исследователь, Париж) «Мысль и личность Ли Бо (новый взгляд)» (13 апреля 2015 г.). На этом же заседании была представлена книга В.И. Сисаури «Книга о Ли Бо» (Санкт-Петербург: издательский дом «Гиперион», 2015). На семинаре 22 декабря 2014 г. состоялась презентация первой части большой работы, в настоящий момент являющейся единственным современным обобщающим трудом по китайской литературе, написанной петербургскими китаеведами И.А. Алимовым и М.Е. Кравцовой «История китайской классической литературы с древности и до XIII в. Поэзия. Проза». Часть 1 (Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2014). В связи с этим д.ф.н. М.Е. Кравцова (СПбГУ) прочитала доклад «Некоторые исследовательские тенденции современного китаеведения», обозначивший новые направления востоковедной науки и вызвавший живое обсуждение.

Исключительный интерес собравшихся слушателей вызвало сообщение нашего постоянного гостя к.иск. Т.Б. Араповой (Государственный Эрмитаж) «Китайский фарфор XIV — начала XVIII в.», сделанное 3 июня 2015 г. Докладчик показала фотографии удивительных предметов китайского искусства, относящихся к периоду правления китайской династии Мин, на которых, однако, сказалось довольно сильное влияние художественных традиций предыдущей монгольской династии Юань.

Периоду иноземных династий и существовавших с ними параллельно китайских династий был посвящен доклад С.В. Сидоровича (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ) «Уточнение периодизации династии Си Ляо на основе нумизматических данных», состоявшийся 27 октября 2014 г.

10 июня 2015 г., состоялся семинар, собравший самых разнообразных участников, поскольку касался темы, интересующей многих: «История чая от Шэнь Нуна до на-

ших дней». Его провела известный мастер Эльвира Будаева (независимый исследователь) с презентацией чайной церемонии.

Прервавшись на летние каникулы, семинар продолжил работу осенью 2015 г. 16 ноября 2015 г. с большим теоретическим докладом, собравшим специалистов из всех петербургских вузов и академических институтов, выступил известный в России и за рубежом религиовед из г. Благовещенска, д.и.н., профессор кафедры китаеведения факультета международных отношений АмГУ С.В. Филонов. В его докладе «Картина мира раннего даосизма: представления об inferнальном мире» не только были проанализированы религиозные представления древних китайцев, но и продемонстрированы современные возможности компьютерных программ для работы с китайскими классическими даосскими текстами.

Дальневосточный семинар, который регулярно проводит Отдел Дальнего Востока ИВР РАН, уже стал привычным для петербургского научного сообщества. Ученые из различных научных учреждений как России, так и из-за рубежа с удовольствием принимают участие в работе данного семинара. Информация о предстоящих заседаниях и отчеты о прошедших встречах публикуются на сайте Института восточных рукописей РАН.

Заседания Дальневосточного семинара открыты для всех желающих и привлекают не только сотрудников и аспирантов ИВР РАН, но и представителей других научных учреждений, студентов востоковедных специальностей и просто людей, интересующихся традиционной культурой Дальнего Востока. Проведение семинара служит укреплению научных связей между исследователями, повышению квалификации молодых ученых, улучшению профессиональной подготовки аспирантов и студентов, а также популяризации знаний о традиционной дальневосточной культуре.

Dalton J.P. The Taming of the Demons. Violence and Liberation in Tibetan Buddhism. — New Haven; London: Yale University Press, 2011. — 311 p.

Книгу известного американского специалиста по тибетским рукописям из Дуньхуана Джейкоба П. Дэлтона «Укрощение демонов. Насилие и освобождение в тибетском буддизме» можно отнести к числу наиболее важных и ценных работ в области тибетологии, вышедших за последние годы. В определенной степени эта книга подводит концептуальный итог исследованиям различных авторов, так или иначе связанным с темой «сострада-тельного насилия» в тибетском буддизме.

За этим внешне оксюморонным термином скрывается представление о том, что буддийские йогины с помощью особых, «яростных» ритуальных практик могут направлять грозных Защитников Учения (дхармапал), таких как Махакала, Пэлдэн-лхамо, Дхармараджа и др., на подавление врагов буддизма с целью «освобождения» последних от текущей жизни, в которой ими накапливается исключительно дурная карма, для скорейшего обретения более благого рождения. Нередко эти практики трактуются в символическом ключе — утверждается, что под врагами здесь понимаются не реальные люди, а некие вредоносные демоны или внутренние препятствия йогина. Между тем даже в сравнительно недавней истории Тибета известны случаи, когда такие ритуалы проводились с конкретной целью подавления врагов Тибета и тибетской религии.

Исследование Дж. Дэлтона, основанное на изучении некоторых древних тантрических текстов, найденных в дуньхуанской библиотеке и относящихся к «темному периоду» тибетской истории после распада мощного централизованного государства и деинституализации буддийской сангхи в Тибете (IX–X вв.), раскрывает несколько пугающие воз-

можности реального применения подобных практик в условиях государственной и религиозной фрагментации и невротизирующее воздействие, которое рефлексия на эти практики оказала на тибетское национальное самовосприятие. Образы тибетцев как глубоко порочных дикарей, потомков горной демоницы и царя обезьян, и самого Тибета как земли, персонифицируемой в демоническом облике, по мнению ученого, уходят корнями именно в эту проблематику. Впоследствии по мере «окультуривания» Тибета демоническая роль стала отводиться жителям пограничных территорий, откуда на протяжении многих веков то и дело возникала угроза тибетской безопасности. Вплоть до середины XX в. ритуальные практики, связанные с концепцией «сострада-тельного насилия», доказывали свою эффективность в глазах правящих элит Тибета.

Книга состоит из Введения, семи глав и приложений с переводами текстов с тибетского языка.

Во Введении заявляется связь буддийского мифа о том, как Ваджрапани подчинил демона Рудру, с ритуалами «освобождения» как своего рода теоретического обоснования с практической реализацией идеи «сострада-тельного насилия». Наиболее пространная версия мифа о подчинении Рудры, содержащаяся в тантрическом тексте IX в. «*Самаджавидья-сутре», представлена в приложении в переводе Дж. Дэлтона.

Глава I «Зло и неведение в тантрическом буддизме» содержит емкий исторический обзор темы отношения к насилию в индийском буддизме и вскрывает проблему трудноуловимого отличия праведного, оправданного этически, полезного для наказуемого насилия, воплощенного в образе Ваджрапани, от насилия как проявления злого, темного, демонического начала, воплощенного в образе Рудры. В рамках буддийского учения, провозглашающего любовь и ненасилие своими фундаментальными принципами, оказывается

возможным надление пробужденных существ, вышедших из сансары, правом на физическое подавление и даже убийство врагов Учения. Проблема состоит в том, что внешне между грозным Ваджрапани и демоническим Рудрой обычному существу невозможно увидеть разницу. Ваджрапани и Рудра, как нирвана и сансара, идентичны и в то же время антагонистичны друг другу.

В главе 2 «Демоны во тьме» рассматривается «темный период» истории Тибета (автор считает более обоснованным другое его обозначение — «период фрагментации») как время подлинного проникновения буддизма во все слои тибетского общества (в отличие от предыдущего периода, когда буддизм оставался религией меньшинства — части правящей элиты и небольшой прослойки монахов). Это всеобъемлющее проникновение было достигнуто прежде всего за счет популярности тантрических практик, ряд из которых впоследствии был не только отвергнут вновь утвержденными монашескими институтами, но и интерпретирован как свидетельство дикости, свирепости, темноты, якобы присущих этому периоду. Однако новое торжество институционального буддизма, по мнению автора, было бы невозможно без этого этапа.

Глава 3 «Буддийский ритуал с человеческим жертвоприношением?» содержит анализ дунхуанского текста, описывающего «яростный» ритуал в таких терминах, которые автор книги считает относящимися не к символическому изображению врага (тиб. *линга*), но к реальному человеку. Этот текст ныне представлен тремя фрагментами: начало и конец хранятся в Британской библиотеке, середина — в Национальной библиотеке Франции. В книге Дж. Дэлтона содержатся транслитерация текста и его полный перевод. Исследователь доказывает, что его трактовка текста как описания человеческого жертвоприношения подтверждается другими древними тибетскими свидетельствами (отчетливо негативными) о существовании таких практик.

В главе 4 «Жертвоприношение и Закон» рассматривается главное такое свидетельство, а именно эдикт Еше-о, правителя западнотибетского царства Гугэ, в котором он клеймил различные искаженные практики и злоупотребления со стороны тибетских тантриков — зачастую реальных властителей отдельных местностей. Автор книги трактует этот эдикт как попытку Еше-о утвердить свою власть, распространив авторитет вводимых им зако-

нов на политически фрагментированной территории, где его объективными конкурентами выступали местные религиозные лидеры. Искоренение реальных жертвоприношений и замена их ритуалами с использованием символов-заместителей, в сущности, предстают как борьба за право на насилие, которое государство всегда стремится зарезервировать за собой.

В главе 5 «Подчинение территории» рассматривается знаменитое изображение Тибета в виде демоницы, словно пришпиленной к земле буддийскими храмами, как аллегорическое изображение самих тибетцев, якобы диких и необузданных по природе, что проявилось в «темный период» в виде ритуальной распущенности и прочих искажений чистой буддийской религии. Строительство монастырей и храмов предстает способом покорения территории, населенной «демонами». Однако за этой картиной скрываются победоносный реванш буддийских институтов и насильственное навязывание тибетцам новой, приниженной самоидентификации.

Глава 6 «Буддийский способ войны» кратко касается последующей истории Тибета: уже в XIV в. тибетцы мыслят свою страну как центр буддизма, на границах которого возникла монгольская угроза, будто бы успешно нейтрализованная с помощью ритуальных практик; в дальнейшем, к XVI–XVII вв., их применение в функции «военной магии» стало неотъемлемой частью тибетской политики.

Глава 7 «Заключение: насилые в отражении зеркал» развивает заявленную во Введении параллель между двумя интеллектуалами, европейским миссионером Л.О. Уодделем и тибетским ламой из школы ньингма Рикцин Гарвангом, которые примерно в одно и то же время (конец XIX в.) рассуждали о некоторых «темных» сторонах тибетской культуры. Автор, разумеется, оговаривается, что Рикцин Гарванг, хотя и мог бы, пожалуй, признать некоторые обвинения со стороны европейца справедливыми, фундаментально иначе относился к теме насилия, вере в существование демонических сил, соответствующим ритуалам и т.д. Если Уоддел как протестантский миссионер считал всю тибетскую религию дикой фантазией, погружающей тибетский народ в омут поклонения демонам, то Рикцин Гарванг как буддийский миссионер в одном из отдаленных пограничных районов провинции Кам, незадолго до того принявшем буддизм в его институциональной фор-

ме, пытался привить в этих местах отторжение от практиковавшихся там кровавых жертвоприношений. Автор показывает, что для тибетской религиозной элиты, оказавшейся перед страшными испытаниями XX в. практически беззащитной, вся пограничная зона представляла дикой, демонической территорией, требовавшей подчинения. Однако если с архаическими верованиями буддийские проповедники могли в определенной степени справиться, то с «красной угрозой», о которой Далай-лама XIII перед смертью предупреждал своих соотечественников в тревожных пророческих тонах, никакими ритуальными практиками совладать оказалось невозможно.

Если и можно предъявить к книге Дж. Дэлтона какие-либо претензии, то только в отношении последней главы, конкретнее — к внешне эффектной параллели между тибетским ламой и европейским миссионером. На мой взгляд, она является избыточной, если не уводящей в сторону. Как очень многие свидетельства европейцев, представителей другой религии и (в то время) принципиально другой цивилизации, о жителях и культурах «экзотического Востока» (даже если они имели к ним научный интерес), это *случайное*, поверхностное свидетельство. Поставленное напротив свидетельства коренного, внутреннего, оно создает с ним систему зеркал (что подчеркнуто автором в названии главы), в которой тема «со-страдательного насилия» поневоле обретает отчетливо негативное звучание. На мой взгляд, это идет несколько вразрез с общей отстраненно-объективной линией книги — безупречной с научной точки зрения. Прекрасно написанная, превосходно структурированная, она впервые на высоком теоретическом уровне описывает реальное место темы насилия в тибетском буддизме как формообразующего фактора культуры и политики в историческом развитии.

А.В. Зорин

Catalogue of Japanese Manuscripts and Rare Books. Merete Pedersen // The Royal Library, Copenhagen, Denmark. Catalogue of Oriental Manuscripts, Xylographs, etc. in Danish Collections (COMDC). Vol. 10.1. — Nordic Institute of Asian Studies. — 446 p. ISBN: 978-87-7694-147-5

Крупнейшая в Скандинавии Королевская библиотека Дании выпустила очередной, десятый том из серии «Каталоги восточных

рукописей и ксилографов в датских коллекциях» — «Каталог японских рукописей и редких книг», подготовленный сотрудницей библиотеки М. Педерсен. Роскошная, альбомного формата книга с великолепными полностраничными иллюстрациями и подробными характеристиками каждого из 152 наименований, представленных в этом издании, производит впечатление солидного научного труда, изданного с учетом всех самых взыскательных требований.

Большая часть ранних японских книг в коллекции датируется эпохой Токугава (1603–1867), а точнее, периодом второй половины XVIII — середины XIX в. Издания до 1603 г. представлены лишь несколькими фрагментами буддийских сутр. В то же время в библиотеке имеется много изданий, выпущенных после 1868 г., однако в каталог вошли только серии гравюр, традиционных ксилографов, фотоальбомы и некоторые книги, созданные при помощи подвижного металлического шрифта. Как подчеркивает автор каталога, это было сделано для того, чтобы «проиллюстрировать постепенное развитие и трансформацию традиционного книгоиздания в современную книжную печать» (с. XI).

Большая часть коллекции была приобретена в конце XIX — начале XX в. (об этом свидетельствуют экслибрисы) — время, когда японская традиционная книга хлынула на международный рынок. Многие книги были приобретены при посредничестве французского дилера. Тем не менее в каталоге встречаются экземпляры, купленные или полученные в дар уже в последние десятилетия.

В подробном вступлении к каталогу приводятся сведения о коллекции, ее формировании, жанровом разнообразии. И здесь называется первая особенность этой книги: в отличие от авторов многих других каталогов, М. Петерсен предлагает идти не от имеющегося в наличии материала, а напротив, от многообразия видов и жанров книги, отмечая, что в коллекции представлено, а что нет. Впрочем, в самом корпусе каталога этот принцип отходит на второй план, поскольку внимание сосредоточено на каждом конкретном экземпляре. Однако автор, как мне кажется, не случайно подчеркивает важность процесса эволюции японской книги, или, говоря точнее, ее форматов. В этом каталоге акцент сделан именно на формате книг, когда жанровые особенности требовали своего особого способа оформления.

В предисловии дана характеристика жанров, отражающих всю палитру книжной культуры. Однако в самом каталоге книги представлены согласно классификации, использованной в ставшем уже классическим каталоге японских ранних книг из библиотеки Кембриджского университета, составленном Хаяси Нодзому и Питером Ф. Корницки¹.

Рубрики расположены в следующем порядке: Энциклопедии, Синто и кокугаку, Буддизм, Христианство, Язык, Литература, Музыка и драма, История, География, Политика и юриспруденция, Образование, Наука, Медицина, Искусство, Синология, Японская синология.

В предисловии подробно рассказывается о параметрах, которые использовала автор при описании каждого издания. При этом вся терминология дана по-японски, что ориентирует читателя на сугубо японский подход к описанию книги. Для удобства читателей, не слишком хорошо знакомых с японской традицией, каталог снабжен глоссарием, в котором даны англоязычные разъяснения каждого японского термина, используемого в описании. Помимо этого приведены названия и даты периодов правления, а также — что особенно ценно! — дана таблица всех традиционных (в сантиметрах) размеров книги с их названиями. Кроме того, в конце каждого описания указывается, где можно ознакомиться с виртуальной копией сочинения, в каких хранилищах и библиотеках оно хранится, где и в каких каталогах описано. Более того, в случае если это редкий экземпляр, автор особо оговаривает, есть ли еще его копии за пределами Дании (например, № 38). Любопытный человек, впервые взявший в руки этот каталог, получит в свое распоряжение блестящий инструментарий, позволяющий ему быстро войти в тему.

М. Педерсен демонстрирует виртуозное владение материалом, и это, на мой взгляд, одно из главнейших достоинств каталога. Потрясающий справочный аппарат делает этот каталог своего рода энциклопедией для тех, кто интересуется историей традиционной книги Японии. Подробнейший список литературы на тему, огромный список онлайн-энциклопедий и справочников, онлайн-каталоги,

базы данных изображений, выложенные в Интернете статьи и блоги выгодно отличаются рассматриваемый каталог от других изданий этого типа. Колоссальная работа, проделанная М. Педерсен, вызывает профессиональное восхищение и огромное уважение.

Однако бесспорные достоинства каталога иной раз оборачиваются недостатками, когда стремление вложить в статьи как можно больше информации приводит к обратному результату и нужная информация оказывается на периферии. К примеру, в описании в разделе “Imprint” приводится так много сведений о всех изданиях конкретного сочинения, что трудно понять, когда же конкретно был создан представленный в каталоге том. Подобное затруднение возникает не один раз, заставляя еще и еще раз вчитываться в текст, чтобы уяснить конкретное время выпуска интересующего вас сочинения.

Отметим и некоторые другие недостатки. К примеру, представляя переводы Нового Завета, сделанные миссионером Б. Беттельхаймом (№ 8–13), автор приводит разные годы жизни Б. Беттельхайма — то 1811–1869, то 1811–1870. Причем на одной странице (с. 20), например, приведены оба варианта! Совершенно непонятно, почему «Евангелие от Луки», которое в японской транскрипции читается как «Рока дэн фукуинсё» (и автор приводит эту транскрипцию!), предлагается читать как «Рука Дэн Фукуинсё» (с. 20, 24, 28). Кроме того, никак не объяснено, почему «Послание к Римлянам» и «Деяния Апостолов» идут под шапкой «Евангелия от Луки».

С сожалением подчеркнем, что далеко не все названия даны в английском переводе. Часть названий приводится в рубрике “Contents”, а часть остается просто проигнорированной. Не украшают книгу и опечатки, первая из которых встречается в заглавии самого первого описания: куда-то запропастился последний иероглиф в названии сочинения...

Впрочем, подобные недостатки, которые, как ни прискорбно, несколько портят общее впечатление от профессионально выполненного каталога, тем не менее не мешают ему выполнить свою главную роль: как заявлено во вступлении к книге, он должен был представить миру редкие японские книги из Королевской библиотеки после долгих лет их забвения. И эта задача полностью выполнена.

К.Г. Маранджян

¹ Hayashi Nozomu, Kornicki P.F. Early Japanese Books in Cambridge University Library: A Catalogue of the Aston, Satow and von Siebold Collections. Cambridge (England): Cambridge University Press, 1991.

Топоров В.Н. Пиндар и Ригведа: Гимны Пиндара и ведийские гимны как основа реконструкции индоевропейской гимновой традиции. — М.: РГГУ, 2012. — 216 с.

Рассматриваемая книга — плод одного из замыслов В.Н. Топорова, реализовать который полностью Владимиру Николаевичу помешала безвременная кончина. Тем не менее книга оставляет впечатление почти завершенной и вполне рационально организованной, что свидетельствует о том, с какой тщательностью подходил автор к работе над своими трудами.

Она поднимает тему, почти не исследованную ни в западной, ни тем более в отечественной филологической науке, — происхождение гимнической традиции у индоевропейских народов. В самом деле, исследуя культуру древнейших индоевропейцев, мы можем поставить вполне логичный вопрос: какие из культурных феноменов, нынешних и известных по историческим свидетельствам, достались индоевропейским народам от эпохи языкового единства в северном Причерноморье (или еще более ранних времен), а какие развились уже после разделения? Тема эта столь безбрежна, что для полного исследования ее нужны многие годы работы большого научного коллектива, однако книга В.Н. Топорова отчасти заполняет пробелы в нашем знании о древнейшей культуре того народа (или тех народов), от которых пошли и индоарии, и греки, и кельты, и славяне — словом, народы индоевропейского корня.

Раскрытые автором особенности индийской и древнегреческой гимнической традиции говорят о том, что гимнография существовала уже в эпоху индоевропейского языкового единства и характерные черты ее продолжили свое существование у позднейших индоевропейских народов, уже разошедшихся и потерявших контакт друг с другом. Ярчайшими образцами ее В.Н. Топоров считает Ригведу и гимны Пиндара, в которых находит множество черт, сходство которых вряд ли могло быть случайным. «Основное положение, выдвигаемое здесь, — пишет он, — состоит в том, что гимны Пиндара и гимны RV (Ригведы. — С.Б.) могут рассматриваться как разные, но не теряющие сходных признаков, отсылающих к общему индоевропейскому наследию, трансформации (в частности, и жанровые) этого исходного наследия. Иначе

говоря, и Пиндар, и RV понимаются как два отражения исходной мифопоэтической традиции, опознаваемой наиболее адекватно по сюжету, языку и отчасти стилю, но и по жанру (гимновая конструкция), хотя в принципе нельзя исключать, что перед нами в том и в другом случае жанровая трансформация некоего мифопоэтического нарратива (а если углубляться далее — совокупности соответствующих, близких к самодостаточности и кратких — по форме выражения — мотивов, которым еще только предстояло организоваться в целое сюжета)» (с. 23).

Одна из основных тем как ведийской, так и греческой гимнографической традиции — тема поединка, состязания и победы, и эта общность далеко не случайна, особенно если учесть, что реализуется она у Пиндара и в Ригведе очень по-разному. В ведийской гимнической традиции это тема поединка героя (будущего победителя) с противником, который в любом случае терпит поражение. Здесь цель поединка — именно победа и приносимые ею благие плоды (с. 24). Таков, например, поединок Индры и Вритры: змей, пленивший воды, изначально обречен на поражение — хотя бы уже потому, что Тваштар, создавая Вритру, в ходе жертвоприношения ошибся; ошибка была невелика, но, как известно, в ведийской уајѝа мелочей не бывает, и ударение, неправильно поставленное в мантре, привело к тому, что создание Тваштара в конце концов оказалось побеждено ведийским громовержцем. Иными словами, Вритра уже сотворен проигравшим. Для греческого же состязания «узел напряженности... в тревожном ожидании обнаружения божьей воли, потому что состязания, в чем бы они ни состояли — в „спорте“, военном деле, судебном разбирательстве или соревновании поэтов, — есть только варианты божьего суда» (с. 24). Тем не менее и в ведийской традиции наблюдается нечто подобное: «...в мистерии поединка Индры со своим противником, приуроченной к главному годовому ритуалу, его участники, зная, что Индра должен победить, не знают до последнего момента, что он действительно победит, как не знали этого потенциальные свидетели „перво-поединка“; именно такова религиозно-психологическая установка, и для участников ритуала важнее, что в ходе его выявляется победитель, чем то, что имя победителя — Индра» (с. 25).

Другой момент гимнографической традиции в Греции и Индии — понятие меры

(санскр. *mātrā*, греч. μέτρον), однако трактовки его у Пиндара и в гимнах Ригведы различны. У греческого поэта мера — предел, преступать который смертному не следует, ибо каждому положена своя доля («...всех безумий острее страсть о недоступном», — цитирует В.Н. Топоров Пиндара на с. 28), и здесь можно вспомнить известную греческую поговорку — то μέτρον ἄριστον («мера — наилучшее»). В ведийской же гимнографии мера — это то, что герой как раз *преступает*, превосходит, чтобы победить противника — победить *на пределе* собственных сил и возможностей. Но все это не отменяет общих черт, роднящих Пиндаровскую поэзию с творениями ведийских *риши*, и даже подчеркивает их. «Связь Пиндаровых од, особенно олимпийских, и ведийских гимнов, обращенных к Индре, не вызывает сомнений. Главным героем тех и других оказывается Громовержец, и действие концентрируется вокруг него. Оно происходит в пространственном центре и у предела времени, когда жизненные силы истощаются, уже на исходе, и тень смерти покрывает предстоящее» (с. 31). В принципе, если развить эту мысль, можно допустить, что последняя битва, в которой герой все-таки побеждает противника, уже сама по себе делает то место, где она совершается, центром Вселенной: здесь силы хаоса встречаются с упорядочивающей мир волей, в конце концов одолевающей их и возводящей организованый мир заново. То же самое можно видеть не только в Ригведе, но и, например (причем достаточно ярко), в Махабхарате, где поле Курукшестра оказывается местом последней битвы сил порядка и хаоса. При этом силы порядка уже почти истощены, герои прошли уже все возможные унижения и пребывают, образно говоря, в нижней точке своей жизненной траектории. Тем не менее они одерживают победу, в результате чего наступают мир и благоденствие в стране, которая управляется теперь носителями праведности. Сам В.Н. Топоров о Махабхарате не говорит (в книге он ставит перед собой немного другие задачи), но, во всяком случае, выводы, сделанные им, в значительной мере справедливы и для других литературных традиций.

Победа героя восхваляется в форме *песни* (греч. ᾠδή, ᾠδή), которая интересна тем, что она никогда не бывает ценностно-нейтральной: это всегда либо восхваление, либо поношение. (В ряде культурных традиций считалось, что все то, о чем говорится в «песни

поношения», претворяется в реальность. Так, в древнеирландской культуре в «песни поношения» (*glam dicenn*) адресату приписывались всевозможные моральные недостатки и физические дефекты, и, как полагали, исполнение песни приводит к тому, что эти недостатки у человека действительно появляются — например, стоило филиду описать человека в *glam dicenn* как слепого и хромого, как вскоре жертву и в самом деле достигали слепота и хромота.) Другая же особенность песни — это «звонкость», громкость, далекая (и долгая) слышимость результатов этой „речезвуковой“ деятельности» (с. 42). Песнь не просто сообщает о подвиге героя — она делает этот подвиг общеизвестным и утверждает его в памяти потомков; иными словами, это та «слава», которой искали и герои европейских средневековых сказаний. Фактически, добавив от себя, отсюда можно сделать вывод, что и оды Пиндара, и гимны Ригведы имели целью прежде всего *прославить* деяния своих героев, и мотивы, которыми руководствовался Индра, шагая на битву с Вритрой, были сходны с мотивами, побуждавшими князя Игоря идти воевать со степняками (вывод, конечно, достаточно радикальный, далеко не бесспорный и требующий еще специальной проверки).

Важна в этом контексте и этимология слова ἔμνος. Ему соответствует санскритское *sumná*, которое в ведийских гимнах обозначает молитву о милости. «Самое слово *sumná* - двусоставно — *su* - 'хорошо' и *mná* - от *man-*, обозначающего некий смыслостроительный процесс, который совершается через „мышление“, мышление, воображение, припоминание, осуществляющиеся как озарение, вдохновение, творчество, которое сродни поэтическому» (с. 54). Sub specie чистой этимологии, таким образом, само слово ἔμνος родственно русскому «мнение», греческому *μνῆμη*, санскритскому *man* «знать, мыслить», *manas* «ум, сознание» и т.п. «*Sumná* — то особое состояние ума, мысли, „мнения“, души, сердца, которое определяется чувством положительного приятия, благосклонности, благожелательности, и текст-молитва, просьба о достижении этого состояния, о милости, которую просят у богов» (с. 55). Это, по сути, молитва о *благомыслии* бога по отношению к молящемуся.

Таким образом, гимн — и у Пиндара, и в Ригведе — это мольба к божествам о милости и одновременно воспевание их благих качеств и подвигов, совершенных на пределе возможности и имевших результатом установление

или восстановление некоего идеального вселенского порядка. Собственно, можно допустить, что перечисление подвигов и совершенств уже само по себе представляет молитву, ибо призвано умиловать бога и напомнить ему, какие деяния он совершил, как он внес порядок в мир, и тем самым побудить его проявить милость еще раз — по отношению к молящемуся.

Особенно подчеркивается это одной особенностью мифологического образа Индры, как он дан в Ригведе: в гимнах повторяется, что Вритра был не просто убит Индрой, но раздроблен, расчленен, подобно «раскрошенному тростнику» (с. 73). Это нельзя уже назвать просто убийством противника. Убийство Вритры представляет собой полное его уничтожение и тем самым — шаг к обретению бессмертия, преодолению смерти, возрождению к полноте жизни (с. 74).

При этом В.Н. Топоров подмечает в ведийских гимнах один интересный момент — они «нередко обнаруживают присутствие глубокого и, вероятно, вполне сознательного параллелизма между творением мира (а миф о победе Индры над хтоническим Вритрой, несомненно, миф творения нового, упорядоченного, открытого, динамично-интенсивного мира) и творением текста об этом самом творении мира. И в том, что в подавляющем большинстве версий „основного“ мифа этот миф расчленяется на мотивы и даже на составные их части, кажется, следует видеть осуществление указанного выше принципа в рамках текста, который выстраивается из расчлененных на части, перемешанных и разбросанных частей мифа, пока он не становится новым и усиленным целым текста, к созданию которого — как бы по индукции — подключается и творческое сознание тех, кто воспринимает этот текст» (с. 74–75). Иными словами, сами гимны демонстрируют рефлексию авторов Ригведы на собственное творчество и их умение учитывать, как эти гимны отразятся в сознании адресатов — участников ведийского жертвоприношения. Гимны представляют собой не только описание некоторого события (скажем, убийство Индрой Вритры), но и описание самих этих гимнов, то есть *самоописание*. Здесь В.Н. Топоров вводит понятие *автометаописания*, под которым понимается «некое иное описание самого себя через обращение на явное, открытое любому воспринимающему текста сообщение о некоем событии» (с. 70).

Однако двухуровневость гимнов Ригведы не ограничивается различием описания события и описания самого этого описания. Они двухуровневые еще и в другом смысле: событие, о котором говорится в гимне, отсылает к другому событию — прецеденту, в свете которого данное событие объясняется и обретает смысл. Таким прецедентом является сотворение мира, и каждое новое начало, обновление мира представляет собой отсылку к этому «первособытию» (с. 79). В этом заключается важное различие между гимнами Ригведы и Пиндара: в греческой гимнической поэзии акцент ставится не на том, что было когда-то, а прежде всего на том, что происходит сейчас (с. 80). Однако в обоих случаях оппозиция старого и нового (которое обретает смысл в свете старого) сохраняется и играет важную роль в построении гимна. Новая победа, которой добивается герой, тем самым выступает, по существу, знаком древнего события, воспроизводящегося в ней.

Победа над силами хаоса, воспеваемая в гимне, — это, как было сказано выше, установление благого и совершенного порядка, *та*, и само слово, обозначающее его, этимологически родственно греческим *harna* «упряжка, колесница», *harmozo* «скреплять, сплачивать, прилаживать», *harmonia* «скрепление, связь, соглашение, договор, установление, порядок, душевный склад, слаженность, соразмерность» и т.п. (с. 107–108). К тому же индоевропейскому корню относятся и русское слово «ярмо», латинское *arma* «снаряжение, оружие», тохарское *uarm* «мерка». «Все эти слова довольно очевидно связаны с и.-евр. **ar-/*r-*, обозначающим действие приведения в движение, поднятия, прилаживания, скрепления, соединения и т.п. Древнегреческие примеры, как и вед. **ar-/*r-*, хорошо сохраняют эту семантику и в ряде случаев помогают заметить дополнительные пары греко-арийских соответствий, о чем писалось в другом месте. Еще одну такую параллель можно видеть в паре *ἀρτή*, — вед. *та* (ср. др.-перс. *arta-*, авест. *aša*), связанное с идеей порядка, соразмерности, правильности, подлости, истинности и т.д. Это слово *та*- обозначает, пожалуй, самое ключевое понятие ведийской модели мира, определяющее безопасное и надежное существование и функционирование и макро- и микрокосма... Понять *та-*, принять и усвоить себе, значит стать человеком высшей добродетели, высших нравственных качеств — *ἀρτή*, если перевести этот ведийский термин

на греческий язык» (с. 111–112). Таким образом, в гимнографических традициях ведийских арьев и древних греков, по существу, воспевается герой, устанавливающий священный мировой порядок, тождественный порядку нравственному, и это становится возможным лишь потому, что он сам несет этот порядок в себе и в соответствии с ним перестраивает хаотический, неорганизованный или неправильно организованный мир. Он, если угодно, вносит гармонию, внутреннюю слаженность и внешнее соответствие в мир, раздираемый противоречиями.

Между Пиндаром и Ригведой, однако, есть и еще одно различие: в первом случае победитель — человек, именно он непосредственно вносит в мир гармонию, тогда как во втором случае непосредственным субъектом гармонизации мира выступает бог. Тем не менее бог-победитель в пиндаровских гимнах все же неявно присутствует — в текстах Пиндара достаточно намеков на победу бога, хотя сам по себе он выведен за рамки гимна. В то же время в индийской традиции человек начинает изображаться как герой и победитель сравнительно поздно (с. 117). А кроме того, «в ведийском первичным является глагол *jī-* ‘побеждать’, а оба обозначения победы вторичны и отглагольны. В древнегреческом, наоборот, первично существительное *νίκη*, а глагол *νικάω* ‘побеждать’ представляет собою вторичное деноминативное образование. Можно думать, что за этим „формальным“ различием в действительности стояло многое» (с. 118). При этом В.Н. Топоров обращает внимание на один примечательный момент в этимологии слова *νίκη*: оно всегда связано с низом, глубинами и восходит к тому же индоевропейскому корню, что русские «никнуть», «ничком», литовское *nykti* «хиреть, пропадать, чахнуть», древнеанглийское *nihol* «наклонный, склонившийся». «В отличие от ведийского обозначения победы, отсылающего к восходящему движению и жизни, др.-греч. *νίκη* напоминает о низе (ср. др.-инд. *ni-*, *nīśā*, *nīśānā* и др.) как месте смерти и царства мертвых, во всяком случае, для той эпохи, когда это слово оформилось и языковые мотивировки были еще ясны. В этом контексте *νίκη* — победа в том же самом смысле, что и др.-русск. побѣда — унижение, несчастье, унижение побежденного при торжестве победителя, субъекта унижающе-уничтожающего действия» (с. 124). Иными словами, герой, как подчеркивается в гимнах, не просто берет верх над

своим противником, но тем самым принижает его, повергает его наземь, и сама этимология греческого языка заставляет авторов гимнов подчеркивать именно эту сторону победы, тогда как ведийские гимны, напротив, по таким же этимологическим причинам выделяют победителя, а не побежденного, именно к победителю, а не к побежденному привлекают внимание слушателей.

Естественно, победа никогда не дается без труда, однако в наших современных разговорах об этом люди порой склонны подчеркивать *легкость* победы: это как бы доказывает силу победителя — он настолько силен, что уложил противника на лопатки почти без усилий, «одной левой». Для культуры же древнегреческой и ведийской такое было невозможно. Это очевидным образом следует из того, что, как говорилось выше, герой всегда вынужден сражаться на самом пределе возможностей, из последних сил. Само выражение «легкая победа» было бы воспринято слушателями Пиндара как *contradictio in adjecto*, как выражение типа «деревянное железо». Победа в этом смысле есть компенсация за труд (с. 151–153). «Победе в состязании предшествует труд, труду же — наличие некоего дефицита, в наиболее чистом виде — акт смерти, которая как раз и искупается-выкупается состязательным трудом», а «сами состязания имели функцию испытания (*πεῖρα*, слово, хорошо известное Пиндару), своего рода инициации, т.е. того ритуала, в котором происходит как бы соединение-слияние, растворение друг в друге жизни и смерти, победы и поражения» (с. 161). Иначе говоря, герой потому и становится героем, что демонстрирует пределы своих сил, и пределы эти поистине велики, если позволяют ему достичь превосходства над серьезным соперником в атлетическом состязании или (тем более) убить страшного демона. Побеждая Вритру, Индра являет миру свою мощь и тем самым подтверждает свой статус божества — более того, *верховного* божества в ведийском пантеоне.

В.Н. Топоров, таким образом, показывает в своей книге лишь одну из тем гимнографических традиций Древней Греции и Древней Индии, но чрезвычайно важную — тему победы над врагом, соперником, имеющим, возможно, демоническую природу, в силу чего победа над ним обретает космическое измерение, становясь событием, вносящим в мир сакральный порядок. Однако и без этого тема победы выступает в гимнах — равно индий-

ских и греческих — одним из центральных мотивов, ибо в них прославляются сила и мощь героя, прошедшего тяжкие испытания, потребовавшие от него напряжения всех сил. Победа, труд и слава оказываются в гимнографических традициях Индии и Греции понятиями взаимосвязанными — первая невозможна без второго и прославляет героя, делая его носителем тех нравственных совершенств, которые общество требует от своих членов.

Разумеется, поскольку книга не была завершена автором и представляет собой черновой текст, в котором, как пишет в предисловии редактор издания Н.П. Гринцер, недостает еще нескольких глав, последние фрагменты книги кажутся мало связанными с основным текстом. Однако это ставит перед читателями книги проблемы, которые сам В.Н. Топоров решить не успел. Так, требует отдельного анализа метрика пиндаровского стиха и Ригведы. Не менее интересным представляется исследование феномена *дакишны*, которую обычно понимают как простую плату жрецу: автор книги подчеркивает, что платой *дакишна* как раз не является — она представляет собой *выкуп*, которым жертвователю выкупает себя у жреца (с. 185). Эта тема перекликается во многом с анализом понятия «долг» (*ṛṇa*) в ведийской религии, проведенным французским индологом Ш. Маламудом в своей известной книге «Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии». Словом, книга В.Н. Топорова, будучи, несмотря на черновой характер, глубоким и подробным исследованием, все же оставляет простор для дальнейшей работы — для *подвига* и *победы*, которую нам предстоит, в полном соответствии с идеями, изложенными в книге, одержать *на пределе возможностей* и тем снискать себе, возможно, *широкую славу*.

С.Л. Бурмистров

Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов / Введ., биограф., коммент., сост. и ред. И.В. Ерофеевой. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. — 696 с.; т. II. Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. — 1032 с. — Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014.

В 2014 г. произошло событие, которое, без сомнения, можно назвать прорывом в изучении истории Казахстана и русско-казахских

отношений XVIII — начала XIX в.: опубликовано фундаментальное двухтомное издание, содержащее более 800 посланий казахских правителей монархам, представителям центральных и региональных властей Российской и Цинской империй, ханам Джунгарского и Калмыцкого ханств. Из 811 документов только 164 были опубликованы ранее, тогда как остальные вводятся в научный оборот впервые. Составителем и редактором сборника документов, а также автором введения, биографических очерков, ряда исследовательских приложений и комментариев является Ирина Викторовна Ерофеева — признанный на международном уровне специалист по истории Казахстана и казахско-русских отношений XVIII в., автор ряда монографических исследований, множества статей и докладов по данной тематике.

Безусловно, нельзя сказать, что это первая публикация документов подобного рода: отдельные грамоты и послания казахских ханов и султанов различным адресатам издавались уже в XIX в., правда в труднодоступной сегодня региональной периодике («Астраханский листок», «Оренбургский листок», «Томские губернские ведомости» и т.д.). Также некоторые документы вошли в работы, посвященные проблемам истории российской политики в Казахстане, подготовленные во второй половине XIX — начале XX в., в частности В.В. Вельяминовым-Зерновым, И.И. Крафтом, А. Харузиным, Н. Коншиным, А.И. Добромысловым и др.

В советский период издание казахских дипломатических актов приобрело более систематизированный характер, и уже целые подборки их были опубликованы в тематических сборниках. В 1940-е годы вышли два тома «Материалов по истории Казахской ССР», в 1960 г. — первый том «Материалов по истории политического строя Казахстана», в 1961 и 1964 гг. — два тома документов и материалов «Казахско-русские отношения», в 1989 г. — двухтомное собрание «Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII — первая треть XIX в.». Значительная подборка документов, включающая послания ханов и султанов, содержится в приложении к исследованию Б.С. Сулейменова и В.Я. Басина «Казахстан в составе России в XVIII — начале XX века» (Алма-Ата, 1981). Отдельные послания публиковались и в других тематических сборниках, не имевших прямого отношения к истории Казахстана, — например,

в «Материалах по истории Башкирской ССР» (т. I–V, М., 1936–1960), «Материалах по истории каракалпаков» (М., 1935), в сборниках «Международные отношения в Центральной Азии» (кн. 1–2, М., 1989), «Пугачевщина» (т. I, М.–Л., 1926) и т.д.

Настоящий «бум» публикации собраний документов по истории Казахстана начался после провозглашения независимости этого государства. В течение 1990–2000-х годов в свет выходит целая серия таких сборников: «Народно-освободительное движение казахского народа в 1836–1838 гг.» (Алматы, 1992), «Народно-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова» (Алматы, 1996), «Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сборник I (V в. до н.э. — XVIII в. н.э.)» (Алматы, 1997), «История Букеевского ханства. 1801–1852» (Алматы, 2002). Ряд посланий казахских ханов вошел и в изданные в России тематические сборники, посвященные истории отношений Российской империи с кочевыми народами, — например, «Материалы по истории Башкортостана» (т. VI, Уфа, 2002), «Русско-дзунгарские отношения (конец XVII — 60-е годы XVIII в.)» (Барнаул, 2006), книга Д.А. Сусевой «Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.)» (Элиста, 2009). Из изданий на западноевропейских языках, наверное, самой значительной современной публикацией казахских документов-посланий является работа японских ученых Д. Ноды (D. Noda) и Т. Онумы (T. Onuma) «A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty» (Токио, 2010, факсимиле, транслитерация и английский перевод).

Таким образом, «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты» продолжает давнюю и развитую научную традицию. Вместе с тем данное издание демонстрирует принципиально новый подход к публикации эпистолярных документов с точки зрения цели и подачи материала. Вышеупомянутые сборники отражали общеисторическое развитие Казахстана и его отношений с соседними государствами, соответственно, документы в них располагались в хронологическом (или тематическом) порядке, да и ханские послания, как правило, составляли среди них не слишком значительную часть. Целью же «Эпистолярного наследия» стала, по словам составителя сборника И.В. Ерофеевой, попытка воссоздать «жизнь каждого хана и султана в его письмах». Структура двухтомника в полной

мере соответствует поставленной цели. Документы сгруппированы по адресанту, причем каждую подборку предвдваряет небольшой биографический очерк, посвященный автору писем, включающий его происхождение, даты жизни и правления, краткую характеристику политической деятельности, связи и т.д., что позволяет соотнести эти сведения с личными посланиями самих ханов и правителей.

Всего в двухтомнике представлены послания 16 казахских правителей. Некоторые из них (равно как и ряд посланий) хорошо известны не только исследователям истории Казахстана, но и менее подготовленным читателям — в частности, последний общеказахский хан Тауке, ханы Младшего жуза Абулхаир, его супруга Бопай, сыновья Нуралы, Ералы и Айчувак, внуки Пиралы и Есим, ханы Среднего жуза Абулмамбет, Абылай, Вали, могущественный султан и претендент на ханский трон Барак и др. Однако наряду с их корреспонденцией в сборник вошли письма правителей, имена которых практически не известны никому, за исключением очень узкого круга специалистов. К таковым можно отнести, в частности, Абылай I (конец XVII в.), хана Старшего жуза Жаубасара (середина XVIII в.), ханов Среднего жуза Кушыка и Сеита (вторая половина XVIII в.). Ранее эти правители были известны лишь по кратким упоминаниям в исторических сочинениях и генеалогиях, теперь же благодаря их собственным письмам (пусть даже и единичным) появилась возможность более подробно изучить их политическую деятельность и роль в истории Казахстана. Также представляет большой интерес уточненный составительницей сборника перечень казахских ханов Хивы XVIII в., представленный в качестве приложения к первому тому издания.

По словам самой И.В. Ерофеевой, работа над сборником заняла 17 лет. За эти годы она и ее коллеги проделали гигантскую работу по сбору материалов в архивах и библиотеках России (Санкт-Петербург, Москва, Оренбург, Омск, Астрахань, Элиста), Казахстана и Узбекистана, где ими было обнаружено более 2,5 тыс. ранее неизвестных писем от 53 представителей казахской элиты конца XVII — середины XIX в. Предварительные наработки нашли отражение в целом ряде публикаций исследовательницы. Обширные цитирования посланий казахских ханов, султанов, батыров и биев приводятся в ее фундаментальной биографии хана Абулхаира («Хан Абулхаир:

полководец, правитель и политик»), выдержавшей три издания (Алматы, 1999, 2003, 2007). Исследованию ханских и султанских печатей на посланиях посвящена ее книга «Символы казахской государственности (позднее средневековье и новое время)» (Алматы, 2001). Ряд посланий представителей казахской элиты включен в генеалогическое исследование И.В. Ерофеевой «Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники)» (Алматы, 2003), а также в подготовленный исследовательницей второй том «Истории Казахстана в русских источниках» (Алматы, 2006) и др.

Издание «Эпистолярного наследия казахской правящей элиты» было анонсировано И.В. Ерофеевой еще в 2009 г., во время выступления на Научных чтениях памяти Н.Э. Масамова, состоявшихся в апреле 2009 г. в Алматы. Тогда исследовательница выразила надежду, что двухтомник выйдет в свет уже через год, однако различные обстоятельства (как организационные, так и финансовые) заставили отложить его публикацию. Однако, как представляется, эта вынужденная задержка не стала потраченным впустую временем, поскольку до выхода сборника И.В. Ерофеева получила возможность предварительно обнародовать ряд документов в специальных изданиях. Так, в 2013 г. в Алматы вышла новая монография исследовательницы «“Между всеми старшинами знатнейший”». Первый казахский тархан Жанибек Кошкарұлы», в качестве приложения к которой были опубликованы многочисленные послания казахских ханов, султанов и батыров XVIII–XIX вв., связанные с личностью и деятельностью героя книги и судьбой его потомков. В том же году в третьем выпуске «Истории Казахстана в документах и материалах» (альманаха Национального центра археологии и источниковедения Республики Казахстан) И.В. Ерофеевой и Б.Т. Жанаевым было опубликовано более 70 посланий монархов и представителей власти государств Центральной Азии и Китая, адресованных казахским правителям XVIII — середины XIX в. (что, на наш взгляд, также относится к реализуемому Ириной Викторовной масштабному проекту публикации эпистолярного наследия Казахстана).

Первоначально И.В. Ерофеева планировала довести хронологию публикуемых ею документов до середины XIX в., однако позднейшие документы, включенные в рассматриваемый двухтомник, датированы 1821 г.

Это представляется вполне логичным: как раз к этому периоду относится начало реформы управления в Казахстане, проводившейся российскими имперскими властями, и как раз в этом году умирает Вали, последний хан Среднего жуза, признававшийся российской администрацией. Послания казахских правителей более позднего времени отражают уже совершенно иные политико-правовые реалии Казахстана, который превращается из вассала в неотъемлемую часть Российской империи, и их публикация в качестве самостоятельного издания (на выход которого в ближайшее время мы, конечно же, надеемся) представляется вполне логичной и оправданной.

Работая в лучших академических традициях, И.В. Ерофеева для обеспечения качественного перевода и полного, всестороннего изучения публикуемых документов привлекла к работе над сборником крупных специалистов, чья квалификация стала гарантией высокого качества переводов и исследований (о которых подробнее — чуть ниже). Так, переводы с чагатайского тюрки, фарси и турецкого языка выполнил Т.К. Бейсембиев, с маньчжурского — Т.А. Пан, с ойратского — Н.С. Яхонтова, с китайского — К.Ш. Хафизова. Рецензентами книги стали ученые с мировым именем — К.М. Байпаков, специалист по истории и культуре кочевых народов Евразии, и Т.И. Султанов, специалист по письменному наследию народов Центральной Азии. Выбор в качестве рецензентов именно этих ученых представляется неслучайным, поскольку двухтомник содержит не только несколько сотен писем ханов и султанов (т.е. письменные источники), но и авторские приложения, посвященные отдельным аспектам официальной и материальной культуры казахской элиты, которые являются весьма ценным, можно сказать — концептуальным, дополнением к основной публикации документов. Ряд статей-приложений, вошедших в первый том издания, посвящен таким вопросам, как значение писем казахских ханов и султанов в качестве исторического источника (вводная статья, автор — И.В. Ерофеева), города и аграрные селения казахских ханств (автор — М.Б. Кожа), одежда, головные уборы, оружие представителей казахского правящего сословия (авторы — И.В. Ерофеева и Э.Р. Усманова), ханские тамги (автор — А.Е. Рогожинский). И если сами ханские послания позволяют сформировать определенное представление о личностях отдельных правителей, их

персональных качествах и политических взглядах, то эти статьи, в свою очередь, дают возможность представить внешний вид казахских монархов, среду, в которой они жили и действовали, особенности ханского делопроизводства.

Большую помощь при работе с двухтомником способны оказать справочно-библиографические материалы, включенный во второй том издания: комментарии к публикуемым документам, обширный список использованных источников и литературы, а также перечень архивных фондов, указатели имен и географических названий. Самостоятельную ценность представляет «Терминологический словарь», включающий большое количество терминов русского и восточного происхождения, употребившихся в публикуемых документах. Правда, возможно, более целесообразным было сделать не просто словарь, а словарь-указатель, чтобы работающим со сборником исследователям было проще найти интересующий их термин в конкретном документе. Поиски же таких терминов во всех восьми сотнях документов отнимают слишком много времени. Однако, на наш взгляд, это единственный существенный недостаток настоящего сборника.

Естественно, в первую очередь издание представляет интерес для специалистов по истории Казахстана, Центральной Азии, российско-казахских отношений и т.д. Письма содержат ценнейший материал о политической ситуации в регионе, основных тенденциях и специфических чертах социально-экономического развития казахских ханств. Особое направление в изучении публикуемых документов может представлять «персональная история», т.е. жизнь и деятельность отдельных представителей казахской элиты, поскольку даже их официальные послания нередко отражают особенности их политических воззрений, взаимоотношения с правителями и представителями администрации других государств и т.д., — именно так, как уже отмечалось выше, видит цель издания сама И.В. Ерофеева.

Наряду с современными русскими переводами в двухтомник включены также факсимиле 250 документов, что делает сборник полезным для специалистов по восточной исторической филологии, которые имеют возможность проанализировать особенности официального стиля чагатайского тюрки, среднеазиатского фарси, османно-турецкого, ойрат-

ского, маньчжурского, китайского языков XVIII — начала XIX в.

Наконец, публикуемые письма являются ценнейшим источником для изучения российской правовой политики в Казахстане в рассматриваемый период, т.е. для историков права. Естественно, искать в них формальное содержание правового регулирования русско-казахских отношений не следует, да это и не нужно: нормативные правовые акты, регламентирующие статус Казахстана в составе Российской империи, многократно издавались и хорошо изучены. Публикуемые письма же представляют, можно сказать без преувеличения, эксклюзивный источник сведений об отношении национальной элиты к российской правовой политике в Казахстане, субъективные оценки тех или иных российских мероприятий либо преобразований. Подобная информация не может быть обнаружена в правовых памятниках (официальных юридических документах), но объективно отражена в личной переписке, несмотря на то что большинство посланий тоже носит официальный характер. Несомненно, этот аспект нуждается в глубоком изучении и, конечно же, будет изучен — благо, что теперь для этого имеется обширная источниковая база, созданная благодаря усилиям И.В. Ерофеевой.

Наконец, нельзя не сказать несколько слов о тех, кто эту книгу издал, — алматинской фирме «АБДИ Компани», которая в последние годы, несомненно, стала одним из ведущих казахских издательств, выпускающих книги по истории и культуре народов и государств Казахстана. Среди изданных ими книг и такие масштабные проекты с огромным количеством иллюстративных материалов, как «Большой атлас истории и культуры Казахстана» (Алматы, 2008) и «Казахи. История и культура» (Алматы, 2014), а также «Древнетюркские тамги» (Алматы, 2010), «Казахское народное прикладное искусство» (Алматы, 2010) и др. Во многом издание «Эпистолярного наследия казахской правящей элиты» можно считать личной заслугой президента издательства Абдибека Шарбековича Бимендиева и главного научного редактора издательства Каната Зулкаршыевича Ускенбая.

Как следствие, двухтомник прекрасно издан с точки зрения полиграфии, включает большое количество иллюстраций (44 цветных вклейки в первом томе и 12 — во втором, всего 113 иллюстраций) — портреты казахских и иностранных (российских, китайских,

персидских) правителей и государственных деятелей, зарисовки современников, побывавших в Казахстане в период, к которому относятся публикуемые документы, карты XVIII в. и современные топографические планы городов — бывших городов казахских ханств. Несомненно, такой формат издания делает его не только нужной книгой для исследователей, но и «статусным» подарком. Неслучайно издатели сделали два варианта книги: одноцветный и двухцветный — для презентационных целей.

В завершение хотелось бы поздравить Ирину Викторовну Ерофееву с выходом в свет столь фундаментального собрания писем казахских правителей и выразить надежду, что «продолжение следует» и она продолжит работу по публикации посланий как других представителей казахской элиты периода, к которому относятся документы данного сборника, так и правителей Казахстана более позднего времени, тем более что эта работа ею в значительной степени уже проделана.

Р.Ю. Почкаев

АВТОРЫ ППВ-24

- Богданов Иван Валерьевич** — к.и.н., с.н.с.
Отдела Древнего Востока ИВР РАН
- Бурмистров Сергей Леонидович** — д.филол.н.,
в.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии
ИВР РАН
- Грушевой Александр Гаврилович** — с.н.с.,
к.и.н. Отдела Ближнего и Среднего Востока
ИВР РАН
- Ермакова Татьяна Викторовна** — к.филол.н.,
с.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии
ИВР РАН
- Зорин Александр Валерьевич** — к.ф.н., с.н.с.
Отдела рукописей и документов ИВР РАН
- Иоаннесян Юлий Аркадьевич** — к.ф.н., с.н.с.
Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН
- Маранджян Каринэ Генриховна** — к.и.н., с.н.с.
Отдела Дальнего Востока ИВР РАН
- Островская Елена Петровна** — д.филол.н.,
гл.н.с., зав. сектором Южной Азии Отдела
Центральной и Южной Азии ИВР РАН
- Пан Татьяна Александровна** — к.и.н., зав.
Отделом Дальнего Востока ИВР РАН
- Почкаев Роман Юлианович** — к.юр.н., доцент,
профессор, зав. кафедрой теории и истории
права и государства НИУ ВШЭ (СПб.)
- Редина-Томас Марина Андреевна** — ст. лаборант
Отдела Древнего Востока ИВР РАН
- Шомахмадов Сафарали Хайбуллоевич** — к.и.н.,
с.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии
ИВР РАН
- Щепкин Василий Владимирович** — к.и.н.,
м.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН
- Юнусов Марат Мингалиевич** — к.и.н., н.с.
Отдела Древнего Востока ИВР РАН

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Вниманию подписчиков, читателей и авторов журнала!

С 2016 года журнал «Письменные памятники Востока» будет издаваться четыре раза в год согласно требованиям Высшей аттестационной комиссии. Просим авторов обратить внимание на изменения в оформлении статей и списка литературы. Полная информация о правилах подачи материала опубликована на сайте Института восточных рукописей РАН:

<http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=content&task=view&id=51>

К сведению читателей журнала «Письменные памятники Востока»

Подписка на журнал «Письменные памятники Востока» производится по Объединенному каталогу «Пресса России» (т. I) в отделениях связи.

По вопросу приобретения журнала просим обращаться в Институт восточных рукописей РАН по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Адрес редакция: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Адрес издателя: 119049, Москва, Мароновский пер., 26 — www.vostlit.ru

Подписано к печати 14.08.2015. Формат 70×100^{1/16}. Печать офсетная. Усл. п. л. 11,0

Усл. кр.-отт. 12,2. Уч.-изд. л. 11,4. Тираж 500 экз. Изд. № 8611. Зак. №

Отпечатано в ППП "Типография "Наука". 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6